

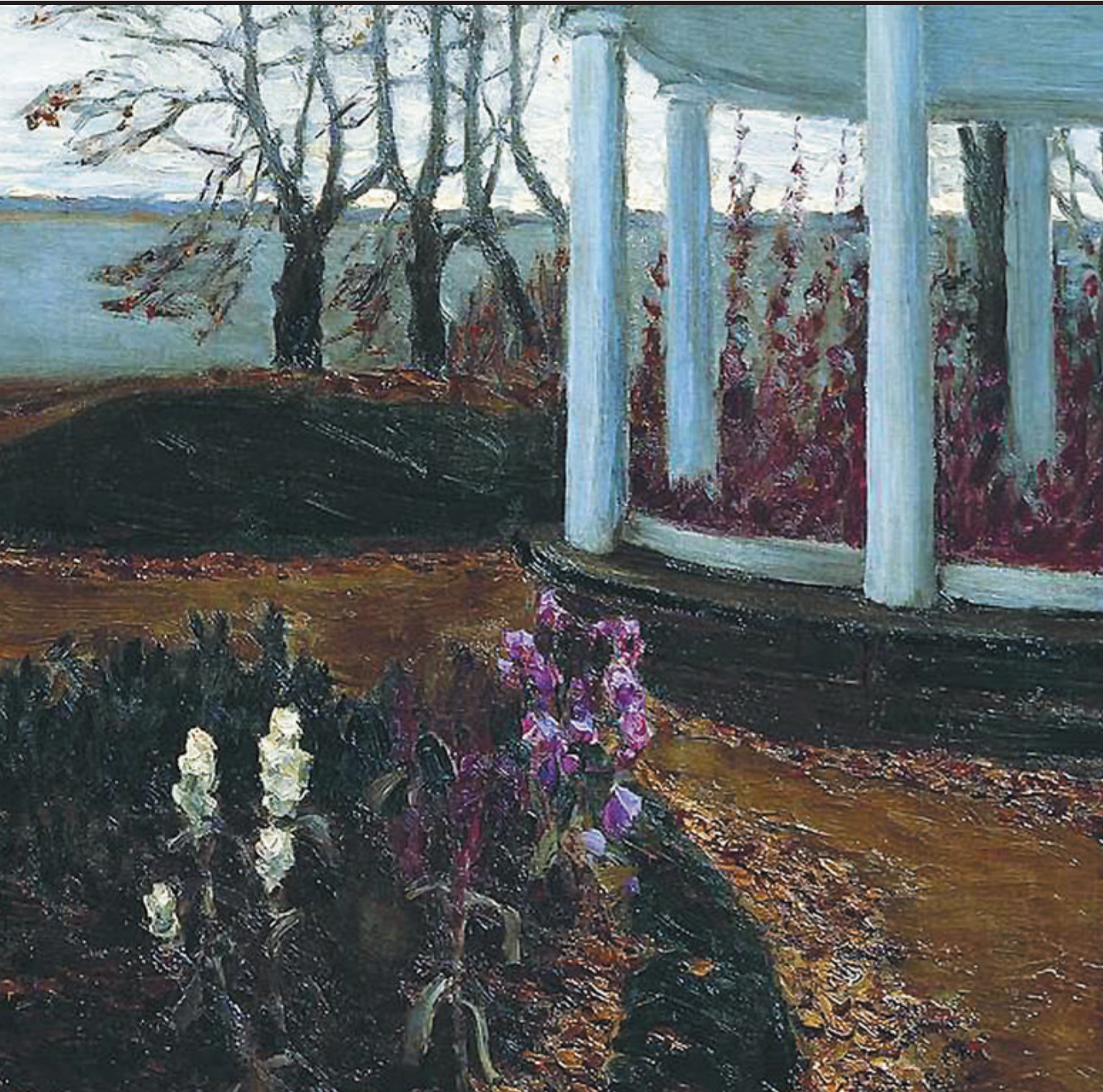
18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №4 2024 ГАЗЕТА

«На синем море камень...» / Современная проза Беларуси

Алесь БАДАК (Александр Николаевич)

Белорусский поэт, прозаик, публицист, детский писатель родился в 1966 году в деревне Турки Ляховичского района Брестской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина.

Автор поэтических книг «Будзень», «За ценом самотнага сонца», «Маланкавы посах», «Развітанне з вечнасцю», многих книг прозы. Произведения Алесь Бадака переводились на русский, итальянский, венгерский, польский, сербский, украинский, туркменский, таджикский, английский и другие языки.

Лауреат межгосударственной премии «Звёзды Содружества» (2014), Национальной литературной премии (2022). Член президиума Союза писателей Беларуси, награждён орденом Франциска Скорины, званием «Отличник печати Беларуси».

Вера Викторовна ЗЕЛЕНКО

Родилась в Москве, позднее переехала вместе с родителями в Минск. В 1979 году окончила механико-математический факультет Белорусского государственного университета. Пятнадцать лет работала программистом на больших вычислительных машинах, позднее переучилась на финансиста, работала бухгалтером. Параллельно начала писать прозу.

В 2006 году в журнале «Неман» увидела свет первая повесть Веры Зеленко «Жить легко». В 2007 году в том же журнале печатается повесть «Монтенегро», в 2009 — повесть «Родня». В 2014 году в журнале «Неман» выходит роман Веры Зеленко «Не умереть от истины».

Проза писательницы регулярно публикуется на страницах литературных журналов, книги пользуются большой популярностью у читателей.

«Не будем воспитывать читателя книг — не будет будущего ни у прозы, ни у поэзии. Как сблизить писателя с читателем? Поиск новых ходов — это прежде всего поиск произведения, способного повлиять на массовое сознание. Раньше читали много, но в том числе и те книги, которыми не стоило бы засорять мозги. Вообще, в памяти остаются единицы из числа прочитанных писателей.

На чтение нужно время. Особенно на вдумчивое чтение. Возникает вопрос: а жить когда? Но без книг не обойтись: благодаря им мы во многом перенимаем житейский опыт. Все главное — в книгах, а не в соцсетях. Да, сегодня читателя сложно удивить. Но трудно — не значит невозможно. Писателю предстоит обдумать, как окружающая нас действительность сопрягается с вечными темами: жизни, смерти, любви».

*Из интервью Председателя Союза писателей Беларуси
А. Н. КАРЛЮКЕВИЧА журналу «Бельские просторы»
№ 11, 2023 г.*

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный редактор
Елена Русакова

В оформлении обложки
использованы работы
В. Бялыницкого-Бирули

Права на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2023
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные индексы издания:
в объединенном каталоге
«Пресса России»
38915 на полугодие;
в электронном каталоге
«Почта России»
П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2024 №4 /1945/ Основана в 1927 г.

«На синем море камень...»

Современная проза Беларуси

России и Беларуси быть вместе!

Дорогие российские читатели!

Публикация на страницах «Роман-газеты» — это большая и ответственная дорога, в которую отправились всего лишь несколько писателей, несколько прозаиков из Беларуси. Спасибо за такую возможность редакции старейшего российского журнала, спасибо главному редактору Юрию Козлову, который чутко, внимательно отслеживает сегодняшний литпроцесс в Беларуси.

Сегодня, как никогда, для белорусских авторов важно быть открытыми и через публикации на русском, через публикации в России.

У нас в Беларуси выстроились и крепко поддерживаются связи с российскими писателями. Выходят в минских издательствах книги прозаиков и поэтов Москвы, Санкт-Петербурга. Выходят и книги писателей, представляющих национальные литературы Российской Федерации. Как пример — серия поэтических сборников «Сябрына: поэзия народов России», в которой увидели свет книги чеченца Адама Ахматукаева, татарина Роберба Миннуллина, удмурта Вячеслава Ар-Серги, чуваша Валери Тургая...

Издательство «Четыре четверти» выпустило книги российских прозаиков Максима Замшева, Михаила Попова, Алеся Кожедуба, Валерия Липневича... Готовятся в этом издательстве и другие книги российских писателей, которые, несомненно, займут достойное место в библиотеках Беларуси. В минском Издательском доме «Звезда» увидели свет романы Николая Черкашина о 1941-м в Беларуси — «Брестские врата» и «Генералы сорок первого года». К 80-летию Великой Победы, нашей общей Победы, увидят свет и другие книги и Николая Черкашина и его литературных соратников, свято относящих себя к художественным летописцам Великой Отечественной...

В Минске издаётся литературно-художественный альманах «Созвучие», объединяющий под одной обложкой писателей Беларуси и России. Настоящая литературная, художественная интеграция! Главная её цель: белорусам и россиянам всегда быть вместе! Именно на такую интеграцию направлены, в том числе, и усилия самого популярного российского литературного журнала «Роман-газета», уже не в первый раз представляющего для читателей России и читателей всего мира писателей Беларуси!

Алесь Карлюкевич, Председатель Союза писателей Беларуси

Алесь БАДАК

Нелюдимый

Повесть

На синем море камень, на том камне дуб, на том дубе тридевять котов, на тех котках тридевять гнезд, на тех гнездах тридевять сорок, тридевять от женского, от детского, от мужского — русский волос, рыжий волос, белый волос. Святые святочные, идите ко мне на помощь; я со словами, Бог с духом; как стало, так перестало...

1

«Боже, Господь милосердный, вспоминая годовщину смерти рабы Твоей Веры, прошу Тебя, удостой ее места в Царствии Твоем, дай благословенный покой и введи в сияние славы Твоей.

Знаю, что недолго и мне осталось ждать суда Твоего. Душа моя уже как чужая, и ничего ее здесь уже не держит».

Если бы Верка лежала не на краю кладбища, старик навряд ли завернул к ней, а потащился бы дальше, домой, к кровати — ноги уже не те, свое отходили, да и нынешним утром немало отшморгали: полтора километра туда, полтора обратно. К Верке он намеревался завтра, на годовщину по ней, но раз уж сегодня все равно надо было идти через этот конец деревни, захотелось взглянуть на место, которое неделю назад выбрал для себя.

Если бы не молодой куст калины, что рос у заржавевшего забора, которым было обнесено кладбище, рядом с Веркиной могилой — если мерить поперек — получалось метра три свободной земли.

«Надо пересадить калину во двор. Мужики церемонятся не будут, высекут под корень. Еще и грех на душу возмнут, ругаясь на кладбище. А так позубоскалят немного — и ладно».

Старик знал, что по нему никто не заплачет. Просто некому. Знал он, и почему будут смеяться копыльщики. Вспомнят, как в молодости он таскался за Веркой, не давал ей прохода. И вот, скажет кто-нибудь, — пристроился около нее. А еще он знал, что кладбище собираются закрыть и хоронить будут за четыре километра от их Ольховки.

Старик вспомнил, как Верка ходила по деревне беременная, чужая и неприступная, а он провожал ее нежно-влюбленными глазами, ласкал ими ее потяжелевший живот, будто сам стал причиной перемен в ней, будто для них было достаточно одного-единственного поцелуя, первого и последнего, подаренного перед тем, как выйти замуж за Геника, что пришел к ней в примы из соседней деревни Задворье. Глядел и душил в груди незатихающую боль.

После рождения дочери лучисто-улыбчивая неугомонная Верка как бы успокоилась, глаза утратили

былой блеск, но свет их не исчез, он разлился по всему ее цветущему, еще не измученному ежедневным трудом телу. Верка стала немного выпячивать подбородок, — это придавало ей особенную величавость и загадочность. При встрече, словно посвященная в какую-то тайну, улыбалась уголками губ:

— Здравствуй, Захар.

Веркина дочь отучилась в Барановичском техникуме легкой промышленности и сразу выскочила замуж за военного, который забрал ее в Борисов. В то время ухватиться за военного было гордостью для всей семьи, однако Верка после свадьбы хотя и хвалила зятя, но лишь постными словами: и высокое начальство за свадебным столом сидело, и дома хозяйственный, и в воинской части на нем целые склады с амуницией, и порядок любит.

Этого военного в деревне видели только раз, когда молодые привозили внучку на лето, потом дочка забыла сюда дорогу. Верка говорила, что зятя перевели в другую часть, будто даже в Монголию. Позже по деревне пошли слухи, будто дочь ее со своим давно не живет, но Монголия так далеко, что этим слухам верили не все. Наконец про нее надолго забыли и вспомнили только, когда умер Геник: в лютый мороз, будучи пьяным, сбился с дороги и заснул посреди поля. Искали его всей деревней, но не нашли, и только весной, когда началась оттепель и на полях появились черные проталины, Верка подхватила утром с кровати, на ходу натянула на босые ноги валенки, накинула на сорочку кофух и с голой головой кинулась за деревню. Она нашла Геника в трехстах метрах от дороги. В последний путь его проводили из родной хаты, но при прощании гроб был закрыт, и перед похоронами оставить покойника в хате на ночь, как требовала христианская традиция, не позволили. Верка голосила красиво, подбирала для Геника слова, которые, если б он мог услышать, несомненно, понравились бы ему. Смущало только всех ее обращение к Генику, заклочавшее в себе и вопрос, и ответ: «А где же твоя дочушка? А ты же сам не хотел, чтобы она приезжала!»

Уже на старости Захар спросил Верку, почему она не захотела идти за него.

— Потому что не любила, — просто ответила она.

— А Геника любила?

— И Геника не любила. Но все говорили: Геник богатый. Наголодалась во время войны и подумала: счастье не в любви, счастье — если не боишься лишний кусочек хлеба отщипнуть, чтобы на завтра было что съесть. Вот только пожила в этом богатстве год и решила: «хватит». Не угодила свекрови: это делаю не так, то не так. — И, помолчав, добавила: — Да и мои не хотели, чтоб я шла за тебя.

В деревне знали, что его мать умеет заговаривать испуг. Когда к ним приходили со своими проблемами (чаще всего это были незнакомые люди), мать выпроваживала его во двор. Гости эти долго не задерживались в хате. И благодаря им на столе появля-

лась какая-нибудь еда. Для семьи без хозяина, который не вернулся с войны, это было спасением. Но, чтобы кто-то пришел просто так — посидеть, поговорить, такого он не помнил. Мать тоже ни к кому не ходила, весь день ковырялась то в хате, то во дворе. «Сидеть без работы грех, — поучала его. — Дьявол только и ждет этого, чтобы захватить твою душу». — «А как же праздники? — спрашивал он. — Ты говорила, что работать в такие дни нельзя». — «В святые дни наши души оберегает Бог», — отвечала мать.

В раннем детстве он не понимал, почему сверстники обзывают его знахарем. Правильнее, он не понимал, что означает это слово, но догадывался, что есть в нем что-то обидное.

— Я не знахарь! — пытался он отбиться от непонятной клички. — Я Захар!

— Знахарь! — кричали они. — Мамка твоя знахарка, значит, и ты знахарь!

А когда подросток, заметил, что одноклассники стали избегать его и не очень охотно брали в свою компанию. Поначалу сердце его сжималось от детской обиды, но вскоре пришло успокоение: он почувствовал, что одиночество дает ему право на самостоятельность и независимость от тех, кто считал его не таким, как все.

Их хата стояла немного на отшибе, за ней начинался лес, окружавший деревню с трех сторон. В лесу он чувствовал себя совсем по-другому. На улице, в компании, он был слабым и беспомощным, а лес, могучий и таинственный, будто делился с ним своей силой и уверенностью.

Однажды, когда он, стоя на коленях, собирал спелую чернику, ему на плечо села бабочка. Это был желтый махаон с синими пятнышками и краснобурыми глазками на крылышках. Старик по сегодняшнему день помнит, как тогда осторожно поднес к бабочке указательный палец в раздавленных черничках, и робкий махаон, немного повременив, будто раздумывая, приняв ли приглашение, наконец осторожно перелез на палец и тонким хоботком начал сосать остатки черничного сока.

Через много лет, вспоминая эту бабочку, старик подумал, что человек не может быть одиноким: если у него нет друзей среди людей, друзьями ему становятся животные, птицы, деревья. Но тогда, в лесу, он был еще слишком мал, чтобы додуматься до этой мысли. Только почувствовал, как пробежала дрожь по телу, когда махаон перебирал на пальце своими лапками, и на мгновение сжалось сердце от радостной мысли, что, угощая бабочку, он делает то, что не может сделать никто.

Старик бросил взгляд на сделанный из сосны надмогильный крест, заметно потемневший за год, задержал взгляд на жестяной табличке:

ХМАРУК

Вера Ивановна

26.03.1927–19.07.1992

«Прости, Верка, что не поставил тебе на годовщину памятник. Ты же видишь, как у меня теперь с деньгами. Но я откладываю, каждый месяц откладываю». Старик вздохнул и, казалось, неохотно вышел на дорогу.

Из леса, да которого было метров триста, послышалось дребезжание велосипеда. Для местных людей каждый звук несет определенные, подчас очень важные сведения. Можно сидеть в хате спиной к раскрытому окну и по шороху ног узнать, кто идет по улице, по стуку топора — кто колет дрова, а по скрипу калитки понять, кто идет в гости — свой или чужой. Человек на велосипеде еще не показался из леса, а старик уже знал, кто едет. И потому, что знал, не поднимал головы, смотрел под ноги с тем равнодушием, с каким глядит на знакомую с детства дорогу уставший человек, занятый своими мыслями. У старика не было о чем поговорить вот так, случайно встретившись с кем-либо за деревней, — характерная черта людей, привыкших к одиночеству. Старик знал, что его в деревне за глаза называют нелюдимым, но не обидно, а с легким даже сожалением, — поскольку считали его человеком добрым, однако с некой своей печалью в сердце. А еще старик не поднимал головы потому, что знал: сразу за опушкой человек на велосипеде повернет налево, поскольку магазин, в котором продается водка, уже закрылся, придется ехать три километра за самогонкой.

Но бречанье велосипеда слышалось все ближе. Старик почувствовал, как внутри у него все замерло, насторожилось. Так часто случалось, когда он в лесу чувствовал опасность, например, где-то недалеко бежал волк, вдыхая запах человека.

Старик поднял глаза.

Почти поравнявшись с ним, велосипедист крутанул педали в обратную сторону и резко затормозил. Пахнуло от него водкой. Понятно, двойная причина: вечер да еще и воскресенье, выпивки не хватало.

— Захар, почему гостей не встречаешь? — Язык уже плохо слушался, но голос еще бодрый: значит, пока можно добиться правды.

— Я думал, мои гости все там лежат. — Старик кивнул на кладбище.

— Сплюнь... от же правду говорят: нелюдимый.

— Каким уродился.

— Это правильно: каким уродился, таким помрешь. Ладно, не обижайся.

— Так про каких гостей ты говоришь?

— Веркина родня приехала — дочка и внучка.

Дневная духота будто разом вернулась к старику, стало тяжело дышать.

— На такси!.. С того конца ехали, значит, с Барановичей, а может, и с самого Минска. Это сколько же надо заплатить за дорогу?!

Старик молчал.

— Больше года ехали на похороны.

Старик только вздохнул.

— А вдруг дочка захочет Веркину хату продать?

— Кому ее продашь? Этой хате под сто годов.

— Да хоть тебе. На такси в неблизкий свет ездят богатые, а у кого рублики водятся, тот умеет считать копейки. По закону хата, в которой ты живешь теперь, ее.

«Конечно, хата гнилая, но еще немного постоит. Почему бы кому-нибудь и не купить под дачу. И участок хороший. Большой сад. Рядом лес, река. Чистый воздух... Но зачем продавать — можно самим приезжать на лето. А я бы ее смотрел. Хата не должна стоять без присмотра... Боже милосердный, на все Твоя воля...»

— Ну, я поехал.

Старик не услышал этих слов и только, когда перед ним забренчал, удаляясь, велосипед, позвал:

— Петро! — Бренчание стихло. — А где теперь гости?

2

Минуя свое бывшее гнездо, он замедлил шаг. Там, где теперь росли три молодые яблони, когда-то стояла его хата, построенная отцом перед войной.

Часто и буднично думая о смерти, однажды он задал себе вопрос: что будет с хатой потом? И ему стало горько от понимания, что она никому не нужна, ни колхозу, ни людям. Мать умерла, когда ему еще только перевалило на пятый десяток, а он весь свой век проходил бобылем. Когда была самая пора влюбляться, он быстро понял, что шансы его очень малые. Девчата относились к нему не так, как к другим парням: без легких шуток и словесной игры, откликались только на серьезные разговоры, будто он был ровесник не им, а, скорее, их родителям. Поэтому, когда Верка вышла замуж и ему от обиды хотелось показать ей, что ему и без нее есть с кем обниматься, он почувствовал, что из этого ничего не получится. Несколькими годами назад молния из всех хат в деревне выбрала его, оставив только обгоревшие стены. Вопрос, что будет с хатой после него, отпал сам собой.

— Если хочешь, поживи у меня, — сказала Верка.

Через год он раскидал стены хаты, а бревна соседским конем перевез к Верке и пустил на дрова. На этом свете не осталось уже никого, кто мог бы помешать его семейному счастью, но теперь и счастье было не таким, каким могло быть в молодости, — оно было неполным: как счастье солдата, который возвращается домой с ампутированной в прифронтовом госпитале ногой.

К тому же это неполное счастье продолжалось недолго. Как-то он заметил, что у Верки начал пропадать аппетит. Он связал это с весной: только что посадили огород, посеяли грядки, перебивались прошлогодней картошкой, забеленными молоком макаронами, которые покупали на талоны в деревенском магазине. Там же на талоны отпускали крупу, масло и муку, которую Верка замешивала с дефицитным кефиром, если успевали купить, а если кефира не было, то и с родниковой водой, и пекла

олады. Правда, на воде олады получались как резиновые, хоть с маслом, хоть с поджаренным салом забитого осенью кабана, которое старик закручивал на зиму в трехлитровые банки, — но есть было можно.

Однако человеческий организм загадочен: порой даже сосет что-то внутри, — так вдруг захочется того, что ел последний раз несколько лет, а то и десятилетиями, назад. Мать старика перед смертью очень хотела попробовать халву, которую и видела-то один раз в красивой баночке в руках у Веркиной дочери и даже не знала, какова она на вкус. Зато на всю жизнь запомнила ее необычный запах.

Старик выбрал время (послеобеденное), когда в деревенский магазин редко заходят покупатели. Внимательно осмотрел почти пустые полки, будто то, что искал, нельзя было увидеть сразу. Потоптался около прилавка. Еще никогда не было ему так неловко и даже стыдно. Достал из кармана сложенный вдвое лист бумаги и положил перед кассиршей. Кассирша была из другого села — из соседнего, и это единственное, что помогало старику преодолевать стыд.

— Я тут подумал... — Он не стал обращаться к ней, как обращались все в деревне: Лёдя, но Леокадия звучало как-то не по-деревенски. — Я не курю, а талоны на папиросы пропадают. Мне и мыла столько не надо... Может, появится когда колбаса хорошая, сырокопченая? Мне много не надо...

— Сырокопченая?! — захохотала кассирша. — Ты что, дед, может, жениться собрался? В городе люди за докторской душатся, а тебе в деревне сырокопченной захотелось.

— Так, может, тогда докторской кусочек?

— Я же говорю тебе: в городе. Не привозят ее в такую глушь.

Старик понял, что для кассирши его талоны, как старая газета курцу. Он нашел бы причину, чтобы поехать в райцентр. Но однажды Верку стошнило просто за ужином. И он догадался, что у нее болен желудок — гастрит или, еще хуже, язва. Старик насыпал в карман ее курточки — так, чтобы она не заметила, — немного соли. Каждое утро он размачивал в воде льняное семя и по ложке давал Верке. Когда запасы семян закончились, стал толочь в миске алоэ, добавляя в него мед и сливочное масло. Но лучше Верке не становилось. Она худела на глазах и чувствовала слабость во всем теле. В конце концов Верку положили в больницу, и доктора обнаружили у нее рак желудка. В деревне никто никогда такой страшной болезнью не болел, и об этом говорили тихо, будто боясь накликать болезнь на себя. Старик в хате плакал по Верке, как по покойнице, и одновременно молился о выздоровлении: «Великий Боже, Хвалимый и Непостижимый, и Неисповедимый, явись рабе твоей Вере и дай ей сон успокоения, сон телесный, здравия и спасения живота, и крепость душевную и телесную».

Помолившись, он направлялся в лес. Старик полвека отходил здесь лесником и не заблудился бы, даже если бы пришлось бродить с закрытыми глазами.

Чтобы заблудиться, он должен был перестать не только видеть, но и слышать, каждый лесной звук был ему в помощь. В лесу он собирал чагу. Он знал, что летом березовый гриб немного теряет свою лечебную силу, зато в эту пору набирали силу травы: подорожник, чистотел, иван-чай, полевой хвощ, мята. Старик собирал их, возвращаясь из лесу не по дороге, а через луг.

Вечером он делал лекарственные настойки и шептал над ними, словно молился, заговоры, которыми когда-то научила мать. «А что будет, если я забуду или перепутаю слова?» — спросил как-то он. «Ничего страшного, — ответила мать. — Говори те слова, которые сами придут к тебе». «А разве так можно?» — «Можно. Главное не то, что ты говоришь, а что чувствуешь в это время. Когда-то жил недалеко на хуторе один знахарь, немой. Бандиты думали, что он озолотился на знахарстве, ворвались вечером в хату и давай бить его, чтобы отдал деньги. Но денег не наши. У него после этого речь отняло, но не перестал помогать людям своими заговорами».

Старик не находил себе места. Ему казалось, что, если бы Верка лежала дома, он смог бы поднять ее на ноги. Веркина душа была слишком далеко от него, и это, чувствовал он, лишало силы его заговоры.

Так прошла неделя. Наконец старик не выдержал и решил утром ехать в районную больницу. А под вечер позвонили из больницы в деревенский магазин и сообщили, что Верка умерла.

...Уставший от долгой дороги, старик открывал калитку так, словно хотел опереться на нее. Нежданные гости ждали его, сидя на скамейке у порога. У скамейки стояли две большие дорожные сумки.

— Узнаете, дядька Захар? — поднялась навстречу старшая — Веркина дочка Лида.

— Не только тебя, — усмехнулся старик, переводя взгляд с одной гостьи на другую, — но и твою дочушку узнаю. Вся в маму, такая красавица выросла. Давно меня ждете?

— Не очень, — дипломатично ответила Лида. — Мы тут с вашей соседкой поговорили, не скучали.

«Ну, с ней не заскучаешь. Успела, наверно, рассказать все. Но, может, так оно и лучше, чем самому».

— Так, может, пойдем в хату? Наверно, проголодались в дороге.

Он сбросил с пробоя легкий крючок и открыл сени.

— А вы что, не замыкаете хату? — поинтересовалась младшая.

«Кажется, Светка ее зовут? Но уже не Светка — Света. Светлана. Сколько же ей теперь? По виду — пожалуй, все двадцать пять, хотя нет, откуда столько. Двадцать два? Двадцать один?»

— Зачем замыкать?

— А вору?

— Замок — первый помощник вора. Если висит замок — значит, есть что прятать, — произнес то ли в шутку, то ли всерьез.

— Ну, бабушка! — засмеялась девушка под аккомпанемент прогнившей мостничины. Смеялась, но на лице лежала грусть, привезенная сюда издалека.

Он стукнул клямкой и сперва пропустил гостей, потом вошел сам. Слева от порога стояла печь, справа — шкафчик с двумя ящичками, служивший одновременно и столом. В шкафчике хранилась посуда, а в ящичках лежали ложки, вилки, ножи, а также разная мелочь (нитки, пуговицы, авторучка, батарейки и т.д.), что к кухне не имело никакого отношения. Хата от края печи до дальней стены была поделена на две неравные комнатки деревянной, сбитой из тонких досок, перегородкой, с двух сторон оклеенной цветистыми обоями. Вход в комнатку поменьше, служившую спальней, от пола до потолка был завешен рыжеватой с золотыми крапинками занавесью. В комнате побольше, «чистой», тоже стояла кровать, но почетное место здесь занимал стол — не кухонный, не для ежедневного пользования, как на входе, а всегда чистый и, поскольку горницы в хате не имелось, в некотором смысле должен был заменить ее, поэтому застилался самотканой белой скатертью. С одной стороны стола вдоль стены стояла длинная скамья, с другой — две табуретки.

— Какая маленькая хатка.

— Это, внучка, не хата маленькая, это ты выросла. А в детстве, как и в старости, все кажется очень большим: хата, огород, дорога... Вы тут осваиваетесь, а я пойду наберу свежих огурчиков.

Когда вернулся с огурцами, гости уже накрыли на стол, положив на скатерть газету — все свои, привезенные с собой продукты, все свое. Разве что тарелки, нож, алюминиевые вилки, рюмки взяли в ящичке. Хотя по справедливости — тоже свои. Предложить что-нибудь деревенское старик не решился.

Лида наполнила граненые стаканчики вином. Выпили (однако Света только пригубила) молча, без всяких тостов, словно каждый хотел выпить за что-то свое.

— Возьмите сыровяленную колбаску, — предложила Лида.

Старик почувствовал, как от этих слов где-то в горле перехватило дыхание.

— Попробуйте, вкусная. Ее и в Минске не достать, а сюда, наверно, вообще никогда не привозили.

Старик непослушной рукой взял кусочек.

— Ну как?

— Горькая, детка...

И он заплакал. Заплакал, вспомнив Верку, и оттого, что она в могиле, а он вот сидит за ее столом и перед ним столько угощений, каких она никогда и в глаза не видела.

Чаще всего люди плачут некрасиво, плач искажает лицо, становится оно беспомощным, неприятным. Старик плакал, но его лицо хранило строгость, как во время дождя хранит строгость природа.

3

Хата наполнялась вечерним сумраком, но старик не замечал этого: он привык по вечерам обходиться без света — не то, что очень уж экономил на электричестве, а потому, что в это время было оно ему без особой надобности.

— Я пойду во двор, подышу свежим воздухом, — сказала Света.

— Около колодца растет мята. Нарви листочков, помни в пальцах и потри лицо, комары не так будут донимать, — посоветовал старик и виновато посмотрел на Лиду: — Душно в хате, но если открыть окно, ночью спать не дадут.

— Завтра утром надо сходить на кладбище, — вздохнула Лида.

— Будильника у меня нет, но я встаю с солнцем.

— Вы, наверно, думаете: отец умер — не приехала, мать умерла — не приехала...

— Дочушка моя, человек думает сегодня так, завтра этак. Думки эти — самое непостоянное, что есть у людей, нельзя ими осуждать, нельзя и за них судить.

— Я, когда последний раз была здесь, сильно поссорилась с отцом. Все учил меня, как надо жить, а сам... Его старшие братья, женившись, и землю получили, и скотину, а ему только пообещали — и корову, и поросенка. Не умел жить, зато гонора было — не подступись... Когда муж мой служил в Борисове, хотела превозмочь обиду и приехать сюда. Да как-то не получилось. А потом, в середине восьмидесятых, мужа по разнарядке перевели в Монголию. На всю жизнь запомнила: 2-я танковая дивизия 39-й армии Забайкальской военной округи. Ну, и мы с дочкой за ним. Написала пару слов домой — в основном для матери, чтоб не волновалась. Конечно, я мечтала поехать в Германию или хотя бы в Чехословакию или Венгрию. Однако в Афганистан не послали — и за то спасибо. Правда, климат в Монголии — не каждый выдержит. Зимой плюнешь — слюна на лету замерзает. Вокруг — голая степь, ни одного деревца. Я видела сны: слышала, как шумят деревья — наши березы. Слышала запах лука, огуречника, укропа. Может, это был наш огород, а может, родителей мужа. Они тоже деревенские, из-под Ляховичей. Но где эти огороды? Видишь только, как гонит ветер по степи песчаные рогачи... Но денег хватало. Если менять «с рук» — монголы за рубль давали четыре тугрика. Выгодный курс. Рядом город Чойбалсан. Однако за пять лет большого добра так и не нажили. Да и счастья тоже. Когда в девяностом дивизию выводили в Забайкалье, мы уже ехали, можно сказать, чужими людьми. Там, в Забайкалье, и разошлись наши стежки-дорожки, и муж стал просто бывшим мужем. Но в Минск приехала с кавалером, — последние слова Лида произнесла с удовольствием, даже, как показалось старику, с гордостью. — Виктор. Капитан. Вместе с моим служил в Монголии. Дослужился до заместителя командира роты и решил увольняться. Вы-

слуги хватало, а оставаться... Зачем оставаться? Начали урезать расходы на армию, сокращать офицеров. Никто не знал, что будет дальше. Человек, если не знает своих перспектив, начинает обдумывать варианты, как жить дальше. Но у Виктора в Минске мать одна в двухкомнатной квартире. И отбивать его не надо: до Монголии служил в Ростове, там и женился. Но женка не захотела ехать с ним в степь. Не захотела — и разлюбила, за другого вышла замуж.

Старик молчал, задумчиво поглядывая куда-то мимо Лиды, будто пытаясь представить все то, о чем она рассказала. Он понимал, что ей нужно выговориться, как исповедаться, чтобы облегчить в сердце вину перед родителями.

«Ей здесь и поплакаться больше некому. А я — будто живая тень прошлого в ее хате».

— Первое время, когда приехали в Минск, не могли привыкнуть к новой жизни: товары по талонам, магазины пустые, чего ни коснись — везде дефицит. Но главное было — не опустить руки и правильно сориентироваться. У Виктора оказались друзья в Питере. Привез оттуда машину девяностошестиградусного голландского «Рояля» в литровых пластмассовых бутылках. Пить можно, а кто хотел разбавить до сорока градусов, с одной бутылки получал четыре-пять поллитровок. Правда, у нас его не очень покупали: многие боялись, что технический и можно отравиться. Часть все же как-то продали, а часть повезли в Польшу — не знаю, что там поляки делают с ним. Один раз съездили, другой — втянулись. Но, спасибо Виктору: если бы, как многие в то время, возили в Польшу всякую мелочь, хватало бы только на хлеб и воду. А он начал брать на продажу таблетки сухого спирта. У нас они стоят копейки, а там... Короче, опять спирт, только тот можно пить, а этот горит. С «Роялем» мы почти прогорели, а с таблетками стали на ноги.

В хате повисло долгое молчание, а старик не мог понять — выговорила Лида или не все еще рассказала, что хотела.

— Нелегкое время, — наконец нарушил он тишину. — Человек ко всему привыкает, даже к самому плохому. Так ему легче и жить, и выживать. Но как привыкать сегодня? Будто не на земле стоишь, а плывешь в лодке по течению и не знаешь, куда и когда тебя прибьет.

— Не все так, дядька Захар: одни — по течению, другие — против течения. Одно знаю: куда ни плывешь, не бросай весла. Время трудное, но и оно дает шанс жить нормально.

— Одному дает, у другого отнимает. Да и что такое «нормально»? Я вон сколько всего пережил: и войну, и голод, и Сталина, и Хрущева, и Брежнева — и при каждом из них нормальная жизнь понималась по-своему. Вам, молодым, легче, вы можете жить завтрашним днем, вы не знаете, каким он будет, но верите, что будет лучше, и, главное, верите, что увидите это. Вера дает силы. А старый человек знает, что до

завтрашнего дня может не дожить, и хочет хоть какие-то перемены к лучшему увидеть уже сегодня. Поэтому нормальная жизнь по-разному понимается старыми и молодыми.

— Доживете, дядька Захар. Сами видите, как быстро сегодня все меняется. Я только за Светку боюсь.

— А что Светка? — насторожился старик.

— Ей бы на экономический поступать, завтра экономистов у нас будут отрывать с руками. А она подалась на истфак, историком хочет стать. Не женская это профессия. Да и что дальше ее ждет? Аспирантура, школа? Хоть так, хоть этак, а результат один: ни престижа, ни денег. В детстве она никакой историей не интересовалась. Это в Монголии все началось: взялась о наших предках расспрашивать, «Песняров» слушать, просила меня народные песни петь. Откуда мне знать эти песни... Сейчас открываем с Виктором свою фирму — работала бы с нами, а так... Правда, благодаря этому ее истфаку сегодня мы здесь, дома. Я думала — сперва добыюсь чего-то в жизни, тогда и приеду. Как с оправданием за все годы, чтобы и родителей порадовать, и чтоб люди не обговаривали. А тут оказалось, что один из Светкиных университетских преподавателей родом из Задворья. Он и поведал, что нет уже у нас никого. — Лида вздохнула. — Вот так, дядька Захар.

Последней фразой она словно подвела черту всему сказанному, но неожиданно добавила:

— Знаете, я приехала не только к могилам родителей, я приехала к вам.

В это время дверь хаты открылась — вернулась Света.

— Темно и во дворе, и в хате.

— Заговорились, — подхватился старик. — Пора свет включать.

— Дядька Захар, — деланно-веселым голосом поинтересовалась Лида, — а как наша печь, не развалилась?

— Стоит, что с ней сделается. Подмазал там-сям глиной, заменил пару кирпичей — и стоит.

— Так хочется, как когда-то, поспать на ней!

— Поспи. С дороги сон на печи крепче. Постелить есть что. В шкафу все чистое: простыни, наволочки. Да вы сами смотрите, что надо, а я пойду хлев закрою.

Старику хотелось побыть одному. За долгие годы одиночества (жизнь с Веркой была короткой и мало чего изменила в нем) он привык постоянно наводить порядок в собственных мыслях, они всегда плыли в голове спокойно, одна за другой, как неспешно плывут по речной глади то сорванный кем-то и брошенный в воду зеленый листок, то засохшая травинка, то почерневшая от времени щепка. Сегодняшний день не только нарушил его одиночество и размеренный строй жизни, старику казалось, что этот день растянулся на целую вечность и вобрал в себя много событий, каждое из которых находилось в своем географическом и временном пространстве, и к каждому

из них старик имел какое-то отношение. По крайней мере, был их свидетелем.

Он закрыл хлев, затем курятник, подошел к забору, отделявшему двор от огорода, взялся руками за шершавые штакетины и тяжело вздохнул.

«Как бы ты сегодня радовалась, Верка, до слез. Все у твоей дочки хорошо. Она рассказывала, а я видел, что рассказывала она не мне, а тебе. А через меня лишь передает. Как письмо. Может быть, не только потому через меня, что скоро мы увидимся с тобой. Может, чувствует, что я тянусь к ней, как к родной. Я бы хотел, чтобы она это чувствовала. Не ради хаты твоей это мое хотение, не от страха остаться на улице. Не останусь: попрошу колхоз, чтобы дал пустующую в Задворье хату. А хотение мое оттого, Верка, что один я на белом свете. Тяжко не потому, что рядом нет никого, а потому, что уже и ждать некого».

4

Утром собрались на кладбище.

В сених Света пробежала глазами по высоко, почти под самым потолком, подвешенным связкам разных трав и поинтересовалась (может, заметила их вчера, но спросить не решилась, поскольку еще не освоилась, а сегодня уже не чувствовала себя здесь такой чужой, как вчерашним вечером):

— А для чего вы столько травы сушите?

— Это лекарственные травы, внучка. Зверобой, горлянка, сердечник, девясил... Нет бесполезных растений, каждая от чего-нибудь помогает. Но не про каждую человек знает все.

— И что, они способны вылечить все болезни?

— Могут. Но это зависит еще и от человека, который готовит из них лекарства. А сам человек зависит от Бога. Видишь, как все сложно.

— Можно взять с собой какой-нибудь инструмент, чтобы прополоть могилки? — спросила Лида.

— Там недавно пололось. Шел мимо — ну и взглянул.

Увидев на улице Петрика, старик почувствовал в груди, пожалуй, прежде незнакомое чувство. Это было чувство одновременно и радости, и гордости оттого, что рядом с ним две женщины, что вчера вечером они вместе ужинали, а сегодня вместе идут на кладбище. Даже с Веркой не было такого чувства. На людях с ней ему было немного неловко, будто она его даже не в примы взяла, а подобрала, как подбирают бездомную собаку. Конечно, так он не думал, но постоянно казалось, что именно так считают все в деревне.

И теперь старику захотелось постоять с Петриком, поговорить — все равно о чем. Поэтому, хотя вопрос «Куда так рано?» — адресовался скорее Лиде, а не ему, старик ответил первым:

— Пойдем на кладбище, посмотрим.

— Туда никогда не опоздаешь, давайте немного посидим на скамейке, с Лидой вот сто лет не виделись.

Скамейка была через дорогу, у забора хаты, в которой уже давно никто не жил: длинная, с вытертой, словно отполированной доской — свидетельством того, что когда-то на ней любили посидеть большой компанией.

— А ты почему не на работе? — Лида присела рядом с Петриком. Петрик был младше Лиды, но лицо его, как ножом изрезанное морщинами, добавляло ему добрый десяток лет.

— А я уже с работы, — с удовольствием ответил Петрик. — Валюту заработал, — и похлопал по карману френча, из которого торчало горлышко бутылки.

— Сопьешься, Петрик, — пожалела его Лида.

— Один много не выпьешь. А с кем тут пить? В воскресенье можно десять раз пройти из конца в конец и живой души не увидишь. Молодые сбежали в город, а стариков осталась горсточка. Но и этой горсточки скоро не останется, как вода сквозь пальцы в землю вытечет.

— И правильно делают те, что убегают. — Лида пожалала плечами. — Почему один человек живет нормально, а другой должен всю жизнь ковыряться в навозе и не иметь ничего.

— А разве для нормальной жизни обязательно переться в город? Разве здесь никак нельзя зажить по-человечески?

— Чтобы жить по-человечески, надо чувствовать себя человеком. Хозяином на этой земле. А что вы со своего колхоза имели? Только то, что вам давали, чтобы с голоду не перемерли. Да еще то, что сами потиху домой тащили, потому что все колхозное считали ничейным. Вот и фермеров теперь не можете терпеть за то, что они говорят: у каждой вещи должен быть свой хозяин.

— В принципе правильно говорят, — неожиданно согласился Петрик. — Но я тебе другое скажу. Люди и в семьях по-разному живут: и ругаются, и бьются, и шкварку поделить не могут. Но все зависит от бабки. Коли дал ему Бог ума, то все в семье будет полюдски, жить будут дружно. То же в колхозе. Дадут хозяйство какому пройдисвету, так он только про свой карман будет думать. Карман полный, денег уже некуда девать, а ему все мало. Однако его и посадить могут. А кто посадит фермера, которому за копейки продали и трактора, и комбайны, чтобы он теперь на нашей земле наживался? Когда-то, чтобы в паны выбиться, и батькам, и детям, и внукам с утра до ночи было не разогнуться. А эти налетели на все готовое...

— Коли ты такой умный, почему остался в деревне собак гонять, а не выучился и не вернулся сюда править колхозом?

— А я, между прочим, один из всего нашего класса, кто поверил в призыв «Всем классом — в родной колхоз!» и остался здесь насовсем. Ты уже уехала тогда, не помнишь. Нас все уговаривали — районное начальство, председатель колхоза, учителя — после школы в колхоз идти. Обещали золотые горы. Поначалу, и правда, смотрели за нами, как за молодыми телятами.

Форму рабочую пошили. Закупили гитары, барабаны, даже ионику — берите, играйте по вечерам в клубе! Расхваливали во всех газетах. Но работа доярки или механизатора от этого легче не стала. Вот и начал класс постепенно разбегаться. Сперва один в город сбежал, потом другой перебрался, третий. Дознался об этом какой-то корреспондент, приехал, стал расспрашивать, что да как. Зашел в школу к учителям. Те думали — хочет помочь и рассказали, как есть. С нами, кто еще остался от класса, тоже встретился. Мне он сразу не очень понравился. Ты ему про дождь, он тебе про лужи. Проблем, конечно, хватало, но где их не было и нет? Обхаживали все этого корреспондента, кормили, поили несколько дней. А он потом даже не в Минске, а в Москве в какой-то газете написал, что с нашим классом получилась одна показуха. Ну и пошло-поехало. Крайний кто? Ясно, председатель колхоза. Его быстренько убрали отсюда. А деревня — что им деревня: натуральный процесс. А председатель тот, может, на двадцать лет вперед глядел.

— Вам бы на митингах выступать, — усмехнулась Света.

— Кто там меня услышит, — махнул рукой Петрик. — Я человек маленький. Известное дело: маленький человек скажет — все над ним посмеются. А большой начальник повторит то же слово в слово — ему в ладоньки похлопают.

— Может, потому и живете так, что считаете себя маленьким человеком.

— Живу как живется. Как старики мои живут, как деды жили. От земли не отрывались, счастья в городах не искали, потому как там его не теряли. Хотя нет, вру, был один в нашем роду. Прадед мой. О, потаскался по свету! Сперва хотел в Америку ехать на заработки. Женка в слезы. Известно, одна с дитем. Не заплачешь, так завоеешь, если есть нечего. А в Америке тогда, говорили, маляром за месяц можно было столько заработать, сколько у нас за год. Однако кто-то из Задворья туда поехал, а скоро и вернулся: кризис, говорит, в Америке, свои сидят без работы. Но прадед мой все равно недолго высидел. Поехал в Россию.

— Говорили, в Сибирь, золото искать, — уточнил старик.

— Много чего говорили. А я тебе расскажу то, что моя бабка, его дочка, сказывала. В дороге подсел к нему солдат. А в дороге, если долгая, и черт станет товарищем. Солдат ему так и так: еду домой, к жонке, под Смоленск. Ну и этот про свое горе: гольтыба. Дома жонка с малым. Может, махну в Сибирь искать золото. Но сперва хочу найти в Петербурге свояка-депутата, вдруг чем поможет. (А у нас, и правда, в Щитниках жил какой-то свояк — далекий, но тоже Гаврилюк.) Выбрали его в Думу... Так, может, с работой поможет. А солдат смеется: ничем он тебе не поможет. Хоть он и депутат, а тоже бесправный, как и ты. Зато гонора полным-полно. Сделает вид, что не узнает тебя. Мужик как станет депутатом, не хочет показывать, что он мужик, и старается сесть между панами... Едут даль-